

Наталия ТЕРЕХОВА

БЕЗ ЮЛИИ СЛОВАРЬ НЕПОЛНЫЙ!

Галине Ивановне Любиной, моему доброму ангелу

Удивительные встречи дарит нам наша профессия! Каждый гид Санкт-Петербурга может похвастаться, что показывал город звезде зарубежного кино или известному европейскому политику, рассказывал историю реставрации «Данаи» искусствоведам из Флоренции или британским документалистам. Но бывают и встречи иного рода, которые оставляют более глубокий след.

Случай, который подтолкнул меня на исследовательскую стезю, произошел теплым сентябрьским утром на фотостопе у Смольного собора. Ко мне подошла моя американская туристка и спросила, как можно зайти в Смольный институт и получить личное дело ее прабабки, его выпускницы. Когда я объяснила, что архив с делами воспитанниц располагается совсем в другом месте, к тому же ее свободное время попадает на выходные в ЦГИА, она попросила меня оказать ей эту услугу в мое свободное время и написать ей, если что-то найду. И добавила, что о прадедушке знает все, а о прабабушке — кроме того, что она училась в Смольном институте — ничего не известно. Существует какая-то семейная тайна, даже на упоминание имени прабабушки наложено табу. «А прадедушка был революционер, но он был не с Лениным, а с тем, с которым Ленин потом разошелся во взглядах». — «С Плехановым?» — «Возможно. Прадедушку звали Владимир Дебогорий-Мокриевич». Так началась эта история, в которой соединилось множество людей, проживавших на территории Российской империи, Центральной и Западной Европы и «Североамериканских Штатов», как выражались в обществе моей Героини.

Туристка, американская актриса и педагог по актерскому мастерству в Питсбурге Ингрид Сонниксен оставила маленькую записочку с именем Julie Gortinsky и приблизительными датами ее обучения в Смольном.

Наталия Юрьевна Терехова родилась в 1962 году в Астрахани. Училась на факультете ПГС в Астраханском техническом университете, затем в Ленинградском политехническом институте им. Калинина на ФТК. Окончила Ленинградский государственный институт культуры им. Крупской в 1988 году. В 1992–1993 годах училась в Ohio State University, Columbus, Ohio, USA. Работала техническим переводчиком на Тенгизском нефтегазовом месторождении с 1993-го по 1999 год. С 1999 года работает гидом-переводчиком в Санкт-Петербурге.

Конечно же, на помощь пришли Интернет и Публичка, так что в архив я пошла уже достаточно подготовленной. Увы, Юлия Степановна Гортынская, выпускница Смольного 1848 года, никак не могла быть матерью Натали Дебогорий (1887—1838) и женой В. К. Дебогория-Мокриевича (1848—1926)! Перечитав внимательно «Воспоминания» Дебогория, где упоминалось только, что его жена была дворянка, а сам он дворянин Черниговской губернии, обратилась к дворянским родословным Черниговской губернии, где и нашла упоминание о роде Гортынских. Стала искать исследователей и биографов Дебогория, нашла московских историков, которые работали в его личном архиве, хранящемся в ГАРФ, и... оказалось, что ни в одном документе не упоминается фамилия его жены, только ее имя — Юлия Александровна, но ни одной биографической детали! Это меня подстегнуло, я начала более интенсивные поиски, но постоянно ходила по кругу: я узнала о талантливой семье Степана Ивановича Гортынского, деда моей Героини, о дядях и тетях Юлии, о ее двоюродных братьях и сестрах и ничего о самой Юлии! Было от чего отчаяться! И только благодаря моим добрым помощникам из Москвы и Чернигова, Киева и Геленджика, Женевы, Берна, Парижа, которые по моей просьбе проверяли данные в местных архивах, удалось соединить все ниточки воедино и написать то, что вы читаете ниже...

Принято считать, что биобиблиографический словарь-справочник «Деятели революционного движения в России» издательства Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев является самым полным и точным перечнем российских революционеров от народников до социал-демократов. К сожалению, даже в те годы, когда он создавался — а это период 1929—1934 годов, — объективность и точность оставляли желать лучшего. В этой статье я постараюсь восполнить одну из лагун и вернуть имя женщины, всецело посвятившей себя борьбе за «счастье человечества», как и многие революционерки, пожертвовавшей личным счастьем, счастьем жены и матери.

Юлия Александровна Гортынская родилась в Чернигове, в семье отставного майора Александра Степановича Гортынского и Александры Петровны Владимировой 15 мая 1860 года. Александр Степанович, по косвенным свидетельствам, участвовал в Крымской войне, был ранен, по ранению вышел в отставку вскоре после женитьбы. По указу императора Александра II каждый месяц службы во время обороны Севастополя приравнивался к году службы, так что Гортынский мог рассчитывать на хорошую пенсию. Причиной могла быть и достаточно удачная женитьба, поскольку Александра Петровна унаследовала имение в Черниговской губернии, села Жеведь и Козероги, дачный участок на Черном море в Геленджике, что давало небольшой, но стабильный доход. В семье родилось еще двое детей — Александр и Зинаида. В Чернигове жили сестры и брат Александра Степановича со своими семьями, все были в хороших, дружеских отношениях. По примеру своих двоюродных сестер Марии и Ольги Гортынских, дочерей врача, Юлия поступила в Киевский институт благородных девиц, который окончила «с серебряной медалью большого размера» в 1877 году.

В «Воспоминаниях» ее мужа Владимира Дебогория-Мокриевича, опубликованных в конце 1890-х в Париже, упоминается, что его жена долго боролась с родителями за право уехать в Швейцарию «учиться медицине». Думаю, вряд ли серьезная борьба имела место, так как Александр Степанович тяжело болел последние годы. Наиболее вероятно, что старшая дочь, получив высшее женское — на тот момент — образование в Киевском институте благородных девиц, пришла на помощь матери по уходу за больным отцом. Сомнительно, чтобы умирающий от туберкулеза отставной майор отговаривал дочь, обещающую выучиться на доктора и вылечить

отца. Осенью 1878 года в Киеве наконец-то открылись Киевские женские высшие курсы, и 18-летняя Юлия поступила на физико-математический факультет, где среди естественно-научных дисциплин преподавали курс санитарии и гигиены. Но радость учения была недолгой: через полгода после начала занятий Юлии пришлось срочно выехать в Чернигов: 14 марта 1879 года 56-летний Александр Степанович скончался. (Только спустя три года, в 1881 году, Роберт Кох открывает возбудителя туберкулеза, а первый противотуберкулезный препарат — стрептомицин — будет получен лишь в 1943 году.) Юлия возвращается в Киев и продолжает учиться до 1881 года. 1881 — переломный год в биографиях многих молодых людей того времени. Убийство Александра II, суд над первомайцами, их публичная казнь на Семеновском плацу в Петербурге, множество рисунков с места событий и цитаты речи Андрея Желябова, распространившихся по России, — все это сыграло роль пускового механизма для пересмотра взглядов и целей российской молодежи, в том числе и для Юлии.

По документам Охранного отделения, где в 1894 году на Юлию завели «дело», в 1881 году, не окончив последний, четвертый курс, она уехала в Швейцарию или Францию. Архивы университетов Цюриха, Берна, Гейдельберга и Женевы ответили отрицательно на вопрос, была ли у них русская студентка Юлия Гортынская в период 1881—1887 годов. Ни на медицинском, ни на естественно-научном факультетах такой студентки не значится. Архивным данным стоит доверять, поскольку эти же архивы подтвердили обучение двоюродной сестры Юлии — Ольги Васильевны Гортынской — в Гейдельберге, Берне и Женеве. В деле присутствует также объяснительная записка матери Юлии о том, что дочь училась в колледже Святого Людовика в Париже, но архив колледжа тоже ответил отрицательно. Скорее всего, обучение в Европе — красивая «легенда» профессиональной революционерки. В реальности — вероятное знакомство с Дебогорием Мокриевичем в Женеве, в пестрой русской колонии эмигрантов и студентов, где земляки легко находили общий язык, а такая яркая личность, как Владимир Дебогорий-Мокриевич, только что бежавший из сибирской ссылки, в ореоле мученика за правое дело и близкого друга многих арестованных первомайцев, конечно же, не мог не обратить на себя внимание прогрессивно настроенной смелой молодой девушки.

Предыдущий гражданский брак Дебогория с его соратницей Марией Ковалевской (Воронцовой) распался с арестом обоих в Киеве в 1879 году. Имело ли место венчание Юлии и Владимира, где оно состоялось — неизвестно. Единственный достоверный факт был предоставлен мне их правнучкой, американской актрисой Ингрид Сонниксен: это было свидетельство о рождении «Натали Дебогорий-Мокриевич, законной дочери Владимира Дебогория-Мокриевича из Луки-Барской и Юлии Гортынской, которая родилась 15 апреля 1887 в кантоне Пленпале, Женева, Швейцария». Что происходило с Юлией и Владимиром в этот шестилетний период — с 1881-го по 1887 год — неизвестно. Оба они появляются на исторической сцене вновь в 1887 году в Женеве.

49-летний Владимир Карпович понимал, что философия народничества с уходом целого поколения потерялась в других философских течениях, но принять народофильскую модель он не мог, так как в принципе не принимал яacobинские, централистические теории. «В политическом отношении мы стояли за анархию, за последовательное проведение федеративного принципа до его крайних пределов, — свободного договора личностей при составлении общины», — пишет он в «Автобиографии». Желая выразить себя и быть услышанным, в 1887—1889 годах он принимает участие в издании газеты «Самоуправление» и журнала «Свободная

Россия». Группа авторов была солидна: совместно А. С. Белевским, О. Н. Флоровской-Фигнер, Н. К. Михайловским, В. Л. Бурцевым в газете сотрудничали П. Л. Лавров, С. М. Степняк-Кравчинский, И. И. Добровольский, М. П. Драгоманов. С Драгомановыми Дебогории дружили семьями. Из переписки Дебогория-Мокриевича с Михаилом Драгомановым понятно, что его жена Юлия Александровна принимала активное участие в работе редакции: принимала и читала рукописи, занималась корректорской правкой и редактурой, вела переписку с авторами.

Помимо этого, Юлия часто исполняла роль связной между российскими политэмигрантами и революционерами — подпольщиками, работающими в России. Описание Юлии, путешествующей с малолетней дочерью, использующей ребенка для создания образа благонадежной дамы, весьма типично для «новой женщины»: она следует моде, одета элегантно, но просто, и только короткая стрижка и пенсне дерзко выдают «ученую женщину», бывшую курсистку. Интересно, что даже девочка всегда была коротко пострижена, как и мать. Был ли это вызов российским полицейским, желание подразнить, обратив на себя внимание намеренно? До 1895 года Юлия довольно часто приезжала в Россию, и география ее передвижений обширна. Письма ее, сохранившиеся в ее деле, говорят о характере прямого и открытого. Она вежлива и корректна, но достаточно точно умеет обрисовать ситуацию и объяснить, в чем и почему не согласна с оппонентом. Умение тактично объяснить, отказать или попросить переделать высоко ценилось ее мужем. Но часто нужно было просто тайно перевести, передать, забрать и вывести из России письма и статьи. И Юлия с дочерью «путешествуют».

В 1890 году Дебогорий переезжает поближе к России — в Болгарию, где курсирует между Старой Загорой и Филиполисом, а Юлия с дочерью на пару недель заезжает в Петербург. Объявляет знакомым, что едет в Москву, а на самом деле возвращается в Болгарию для короткой встречи с Дебогорием, обменивается письмами и снова едет в Россию, а затем в Киев, Чернигов, Полтаву. Конечно же, такие частые поездки не могли не привлечь внимание полиции. В 1891 году главе заграничной агентуры ДП в Париже П. И. Рачковскому идет запрос — собрать данные на жену Дебогория-Мокриевича в Болгарии.

В 1892 году Дебогорий едет в США по паспорту болгарина Стойменова, где получает гражданство. Юлия с дочерью сопровождают его в этой поездке. С 1890-го Юлия тоже имеет заграничный паспорт на имя Юлии Стойменовой. Натали Дебогорий позднее переведет часть воспоминаний отца, а именно несколько глав о детских годах, назвав их «Когда я в детстве жил в России», переведет их немного неуклюже, как человек, плохо знакомый с реалиями русской жизни, не совсем точно понимающий значение местных словечек, оттенков многозначных слов, зависящих от контекста. Эту работу она объясняет тем, что отец, прожив несколько лет в США, так и не выучил английский. Для нас эта деталь важна: это значит, что Юлия также была его переводчиком все время пребывания в США и Великобритании. В 1894 году, не сойдясь с местными социалистами и русской эмиграцией, Дебогорий возвращается в Европу: сначала в Париж, где вместе с Егором Лазаревым, с которым познакомился еще в США, принимает участие в создании «Фонда вольной русской прессы» с центром в Лондоне, затем — опять по идейным расхождениям с лондонской эмиграцией — в Болгарию, и на сей раз навсегда. Юлия снова выполняет функции связной. Поскольку «болгарин Стойменов», женившийся на русской, успел получить американское гражданство, то и Юлия теперь — жена гражданина Соединенных Штатов.

Но к 1895 году собранных данных в ДП уже достаточно. Как только поступает свежий донос о сходке эмигрантов у Дебогориев, где обсуждалась организация доставки нелегальной литературы в Россию, изготовление фальшивых паспортов,

производство бомб, планы террористических актов и т. п., выходит полицейский циркуляр задержать Юлию при очередном пересечении границы Российской империи и обыскать на предмет тайных писем или запрещенных книг. Ее предупреждают, что она «раскрыта», но не ехать нельзя.

Весной 1895 года она приезжает с дочерью в Киев, где останавливается в доме своей младшей сестры, вышедшей замуж за врача Михаила Яценко-Хмелевского. Там ее наконец настигает полиция и требует предъявить документы. Забавно, что сохранилась объяснительная пограничников, почему Юлия не была задержана на границе: в циркуляре было написано «Юлия Стоименова», а женщина, которую они пропустили, имела паспорт на имя «Юлии Стойменовой». Спустя почти 120 лет сотрудники ЦРУ напишут такое же объяснение, почему они не вняли предупреждению российских спецслужб о террористической деятельности Джохара Царнаева, виновного во взрыве на Бостонском марафоне: приехав навестить родителей в Россию, он получил новый загранпаспорт, где по лингвистическим нововведениям нашего ОВИРа от 2010 года его фамилия была переведена с разницей в одну букровку!

Когда недоразумение с разночтением фамилии было выяснено, Юлия и все ее родственники находились под негласным надзором полиции до окончания следствия. Главным и самым сложным было доказать, что на самом деле Юлия Гортынская — жена политического преступника Дебогория-Мокриевича и причастна ко всей его криминальной деятельности. Но поскольку все обвинительные факты представляли собой лишь агентурные отчеты, прокурор обратился с просьбой к черниговскому губернатору, предлагая изящный выход из положения. В своем докладе он предложил:

«Принимая же во внимание, что названное лицо называет себя женою иностранного подданного и живет по иностранному документу, Департамент, ввиду имеющихся указаний на политическую ее неблагонадежность и поручений, принимаемых ею в России, полагает необходимым выслать ее безвозвратно за границу, с запрещением вновь въезда в пределы Империи, согласно ст. 313, т. II, ч. I. Св. Зак. изд. 1892. На произведение сего предложения в исполнение Департамент имеет честь испрашивать разрешения Вашего Высокопревосходительства. Директор Сабуров».

Резолюция была предсказуема: «Исполнить. 18 авг. 1895 г.». Помимо этого, издается распоряжение начальника ДП о немедленном аресте Юлии, если она попытается въехать на территорию Российской империи под своей девичьей фамилией или фамилией фактического мужа Дебогория-Мокриевича. Все-таки один «странный» документ был изъят у Юлии при обыске — записка: «Крепко целую тебя, моя Тусечка милая. Пишу мало, потому что тороплюсь. Твой папа. Старая Загора». Записка, которая наводила на мысль и о Дебогории, который частенько жила в Старой Загоре, и о том, что Тусечка — это восьмилетняя дочка Юлии и Владимира — Наталия, Натуся, Туся...

Конечно же, это был не только провал всех задуманных комбинаций по пересылке агитационной литературы, тайных писем, денежных пособий, сбора материалов для издания и т. п., но и потеря личной свободы передвижения, общения с родными и близкими. Для «анархистки» — как характеризовал ее некто Сергеев, агент, регулярно строчивший доносы на действия и передвижения Владимира Дебогория и семейства Гортынских, — это было совершенно неприемлемо, и Юлия немедленно начинает борьбу за свое право быть «въездной» и «благонадежной». 20 февраля 1896 года через Американское консульство в Лондоне Юлия подает прошение на

имя Николая II, надеясь, что недавно потерявший отца император оценит желание дочери быть рядом с престарелой больной матерью. Аналогичное прошение Юлия подает на рассмотрение в Сенат, апеллируя к тому, что инкриминируемая ей статья — высылка сомнительного поведения иностранной гражданки — основана на ложном подозрении. 8 июля 1896 года мать Юлии, Александра Петровна Гортынская, подает прошение на имя Александры Федоровны, которое вряд ли дошло до императрицы, полностью поглощенной заботами о восьмимесячной дочери, первом ребенке императорской четы.

Было наивно полагать, что за границей нет осведомителей, и вести себя неосторожно, то есть свободно, как понимала это Юлия. И уже 21 августа 1896 года Департамент полиции получает донесение, что Юлия Стойменова прибыла из Лондона к мужу в Старую Загору. Что и требовалось доказать! Вдова майора А. П. Гортынская получает уведомление от губернатора Черниговской губернии, что ее ходатайство императрице отклонено. А в ответ на прошение Юлии императору и жалобу в Сенат был издан специальный Указ Его Императорского Величества Самодержца Всероссийского от 20 августа 1896 года:

«Имея доказательства ее неблагонадежности и опираясь на ее иностранное гражданство бывший министр внутренних дел Дурново на основании ст. 313 принял решение „удалить ее как неблагонадежную иностранку безвозвратно за границу с воспрещением вновь приезда в Россию“.

Постановили: ссылаясь на ст. 313, согласно которой иностранцы по каким-либо причинам нежелательные в пределах России могут быть высланы за границу, решили, что жалоба Стойменовой рассмотрению в Сенате не подлежит и должна быть оставлена без рассмотрения».

Более высокой инстанции не существует. Борьба окончена. Конечно, нужно учитывать, что Юлия получила сей ответ не быстро. Но как только получила — поняла, что терять больше нечего. Очередной филерский доклад извещает, что 4 сентября 1897 года Юлия выехала с дочерью из Старой Загоры в Лондон.

Год был очень насыщенным, Юлия много писала, много спорила. Всего год прошел со времени Международного социалистического конгресса в Лондоне. Увы, попытка объединить разрозненные силы противников самодержавия с помощью общей цели не удалась: споры о методах борьбы были возведены в собственно цель, которая «оправдывает средства». Переписка Юлии с соратниками по партии представляет собой продолжение бесконечной полемики, начатой десятилетия назад. «Анархисты признавали необходимым полное разрушение государства как авторитарного учреждения, отрицали благотворное влияние власти, в чьих руках она бы ни была, и полагали, что действительное равенство может осуществиться только по свободному соглашению между людьми, а никоим образом не путем государственных декретов и реформ», — охарактеризует позднее Дебогорий ответ на вопрос «Что делать?». А Юлия, судя по сохранившимся редким письмам, полностью поддерживала мужа. Буквально через месяц после приезда в Лондон она обрушивается на бывшего соратника Дебогория и Драгоманова по издательскому делу в Женеве В. Бурцева, который в своей статье в новом органе «Народоволец» вновь призывает к террору: «...доказать гг. народовольцам необходимость террора — вещь хорошая». Но статья, по ее мнению, не учитывает сегодняшних реалий и не может вдохновить кого-либо на теракт: «Я думаю, нельзя отрицать скептицизм и отсутствие способности увлекаться, присущее теперешнему поколению, — это подтверждается не только личными впечатлениями, но и фактами. Неужели Ходынская катастрофа или история с Ветровой менее ужасна, чем сечение Боголюбова? А ведь и Бурцев не будет

отрицать, что последний факт был причиной выстрела Засулич, а не всякое рассуждение о терроре. Я уже не касаюсь нравственной стороны вопроса об этом». Еще через месяц — в ноябре 1897-го — сообщает мужу о продолжающихся разногласиях в пестрой эмигрантской среде: бывшие «чайковцы» нападают на Плеханова, а попытки нейтрализовать битву старых народовольцев и марксистов ведут лишь к ужесточению споров в печати. Так что, даже пребывая на окраине Европы, в болгарском городке Чирпан, Дебогорий был в курсе всех событий и получал через Юлию не только нелегальные издания и тайные письма, но и передавал свои статьи, рассказы, мемуарную прозу, и верная духом Юлия не только редактировала их, но умела убедить издателей напечатать их.

В архивах Гуверовского интитута есть довольно большая коллекция документов Парижского бюро ДП: донесения секретных агентов практически со всей Европы и США на известных революционеров с 1887-го по 1917 год. Очень любопытно, как меняются названия отчетов. Если в 90-е, во время активности нашей героини, преобладают названия с данными о пересылке нелегальной литературы, о тайных сходках и митингах эмигрантов, приказы об их высылке или аресте, то отчеты периода 1900—1917 годов — о пересылке взрывчатых веществ, покупке бомб и ручных гранат, фрахте кораблей для перевозки взрывоопасного груза и т. п. Последний год, когда имена Дебогория и Гортынской фигурируют в сводках, — 1897.

Есть, правда, одна ниточка: письма писателя Михаила Коцюбинского, мужа двоюродной сестры Юлии — Веры Дейши-Коцюбинской. В одном из писем 1900 года он просит знакомого отправить Юлии несколько экземпляров своей книги «В путях шайтана» на адрес лондонской гостиницы, сделав приписку, что она часто переезжает и ее там может и не быть. Другое письмо — жене Вере от мая 1905-го. Хотел связаться с эмигрантами по какому-то вопросу через Юлию, будучи проездом через Женеву, пошел ее навестить, но оказалось, что младший брат Юлии, Александр Гортынский, дал неверный адрес. Косвенные свидетельства, но все же свидетельства политической активности в эти годы.

Следующий раз, когда имя Юлии Гортынской появляется в донесениях ДП, относится к маю 1907-го. Как и многие, воспользовавшись амнистией политзаключенных и политэмигрантов, она возвращается в Россию. К этому времени пережито многое. Не только разочарование в философии народничества и неприятие марксизма, но и разрыв с мужем, отказ дочери от какого-либо общения с матерью привели Юлию домой, на родину. Если «извѣстный государственный преступникъ и эмигрантъ» В. К. Дебогорий-Мокриевич к тому времени уже потерял всех родных в России и был счастлив перепиской с единственной дочерью, которая к 1907 году вышла замуж за легендарного американского журналиста Альберта Сонниксена, то Юлия Александровна испила всю горечь утраты ребенка, который отказался от родной матери. Это была оборотная сторона «верности революции». В 10 лет Наталию отдали в закрытую английскую школу, и этот поступок матери дочь восприняла как предательство и никогда не простила. (Удивительно, но самой Натали Дебогорий предстояло повторить печальную судьбу своей матери: в 1919 году состоялся ее скандальный развод с мужем, получившим права на воспитание их единственного сына Эрика. Как и ее мать, Натали топила тоску по ребенку в политической активности и оставила свой след в истории как первый переводчик на английский «Протокола сионских мудрецов», а также связями с ЦРУ, работая с Борисом Брасо-лем, Солом Юроком и др.)

Вернувшись в Россию, Юлия Александровна с головой окунулась в новую борьбу и вступила в новое братство — толстовцев. Думается, что первые ростки заронил Е. Е. Лазарев еще в Париже в 1894-м, рассказывая о своей встрече с Л. Н. Толстым

в Ясной Поляне, о своих беседах с великим писателем и его взглядах на христианство. Затем было участие в английских толстовских коммунах: в 1898 году посетивший издателя «Свободного слова» В. Г. Черткова друг и личный секретарь Л. Н. Толстого Х. Н. Абрикосов с удивлением обнаружил, что «вокруг Чертковых сгруппировалась небольшая русская колония». И среди перечисленных им многих своих знакомых есть и «жена народовольца Дебагория-Мокриевича с дочерью, которая все старалась спропагандировать меня и не давала мне буквально проходу, чтобы не остановить меня и не внушать мне свои идеи». Юлия вступает в Киевское вегетарианское общество, среди членов которого известный художник И. Е. Репин с супругой, участвует в жизни вегетарианской общины Киева, занимается вегетарианской столовой вместе с М. М. Пудавовым, но главное, конечно, это то дело, к которому она привыкла и любила, — редактирование статей киевского журнала «Вегетарианское обозрение», перевод с английского и подготовка материалов к печати. Почти постоянно Юлия Александровна избирается секретарем Вегетарианского общества, а с 1911 года — и его председателем. Пудавов знакомит Юлию с И. И. Горбуновым-Посадовым, одним из соучредителей «Посредника», и Юлия становится одним из сотрудников этого издательства. Она много переводит, в основном популяризаторские книги и брошюры по санитарии и гигиене, но также берется и за перевод учебников по химии и биологии. В РНБ мне удалось разыскать книжечку известного английского врача Т. Алинсона «Гигиеническая медицина» 1915 года, где среди выходных данных значится «Перевод Ю. Гортынской».

Следует сказать, что популяризацией вегетарианства Юлия Александровна занималась и лично, среди родных, друзей и знакомых. Думается, не без влияния Юлии уже упоминавшийся ранее писатель Михаил Коцюбинский в декабре 1911 года, в гостях у Максима Горького на Капри, державшего широкий стол для своих гостей, неожиданно пишет небольшой рассказ «Письмо», от первого лица описывая прозрение мясоеда, осознавшего весь ужас убийства животных. Описание приготовления пасхального обеда представляет собой натуралистическое изображение убийства поросенка, его потрошение, сливание крови и т. п., что невольно вызывает чувство омерзения ко всему творимому с невинным братом меньшим всего лишь для удовлетворения чувства голода. Рассказ был немедленно напечатан в черниговской газете «Рада», затем — отдельной брошюрой и, наконец, в седьмом номере следующего, 1912 года «Вегетарианского вестника». Как свидетельствуют его собственные письма родным, он на самом деле стал вегетарианцем в эти годы.

С мая 1913-го Юлия Александровна вместе с матерью проживает в Геленджике, где еще с 90-х годов XIX века существуют вегетарианские общины. Она много ездит по стране, помогая с организацией вегетарианских столовых, рассказывая об опыте киевлян, агитируя и пропагандируя издания «Вегетарианского вестника» и брошюры «Посредника». Но и толстовство у нас преследуется! 6 мая 1914 года местное жандармское управление получает ответ на вопрос, следует ли снять наблюдения с Гортынской ввиду ее пожилого возраста (15 мая 1914 года ей исполняется 54 года):

«Ввиду наличия в ДП сведений о прошлой серьезной революционной деятельности Ю. А. Гортынской осуществление дальнейшего наблюдения за нею является необходимым».

Первая мировая война и революционные события 1917 года прерывают активную работу шпиков, и неизвестно, как пережила Юлия следующие шесть лет — с 1914-го по 1920 год. Мы можем только предположить, что, как и все члены Киевского вегета-

рианского общества, собирала средства на организацию госпитальных палат, перечисляла деньги на личные счета инвалидов и т. п. В эти годы она много переводит, в «Вегетарианском вестнике» за 1914 год опубликовано два ее перевода (статьи по вегетарианству), в 1915-м — три, в 1916-м — два.

В 1920 году Юлия Александровна — сотрудница библиотеки Министерства труда Украины в Харькове. Голод, невыплаты зарплаты, да и сама ситуация Гражданской войны явно не представляет собой так желаемую свободу, равенство и братство. В это время в Киеве академик Вернадский, хороший знакомый и коллега ее двоюродной сестры Марии Васильевны Павловой-Гортинской, первой женщины профессора-палеонтолога Московского университета, занимается созданием Национальной библиотеки Украины в будущей столице — Киеве. Он заботится не только о создании уникальной книжной коллекции, но и подбирает высококвалифицированные кадры. А чтобы удержать их, он добивается замены зарплаты — тающих от инфляции дензнаков — продовольственными пайками. И Юлия, преодолев себя, обращается к нему за помощью: просит принять на работу во вновь создаваемую библиотеку. В дневниках Вернадского сохранилась коротенькая пометочка о том, что «приходила Гортинская — сестра М. В. Павловой». Есть также запись в протоколе № 57 заседания Временной комиссии по образованию Национальной библиотеки в Киеве от 2 мая 1919 года о рассмотрении просьбы Гортинской о принятии ее на работу в библиотеку: «п. 29. Оголошується прохання про посади Гортинської, Романенко-Араджіані та Цищовича. Постановлено: прилучити до інших прохань щодо розгляду». Но проверка списков сотрудников НБУ за 1919—1920 годы показала, что Юлии было отказано в приеме на службу. Вернадский ищет молодые кадры, а Юлии уже 60.

Последнее о Юлии Гортинской мы узнаем из письма ее невестки, жены брата Александра — Зинаиды Васильевны Гортинской, адресованное М. В. Павловой. Оно датировано мартом 1933 года: «Юлия живет в Геленджике. Она очень одиночка, и жизнь ее нелегка... Она ведь очень хороший человек...»

Литература:

1. Історія Київського Інституту Благороднихъ Дѣвиць, 1838—1888 г. — КІЕВЪ: Типографія С. В. Кульженко, 1889.
2. ДАК. Ф. 244 (Киевские высшие женские курсы). Оп. 1, ч. 1, дело 167.
3. Морозова А. В. Чернігів і відомий, і невідомий // Сіверянський літопис. — 2012. — № 1—2. — С. 43—46.
4. Дебогорий-Мокриевич В. К. Автобиография // Энциклопедический словарь Гранат. — Т. 40. М., 1940.
5. ГАРФ. Ф. Р6225. Дебогорий-Мокриевич В. К. (Псевдоним «Петр Каблуков»), участник революционного движения 1870-х гг.
6. Hoover Institution Archives. Russia. «Departament politsii. Zagranchnaia agentura (Paris) Okhrana records 1883-1917» — <http://www.oac.cdlib.org>
7. ГАРФ. Ф. 102.00 (Особый отдел). Оп. 226. 6 ч. № 239.
8. РГАЛИ. Ф. 122. Оп. 1.
9. АРАН. Ф. 311. Оп. 3, ед. 61. «М. В. Павлова. Частная переписка».
10. Лазарев Е. Е. Моя жизнь. Воспоминания. — Прага, 1935.
11. Коцюбинская И. М. Михаил Коцюбинский. — М., 1969.
12. Вернадский В. И. Избранные работы в 2 т. — Киев, 2011.
13. Абрикосов Х. Н. Двенадцать лет около Толстого (Воспоминания) // Л. Н. Толстой: К 120-летию со дня рождения (1828—1948). М., 1948. Т. 2. С. 377—463.